

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 11–36.

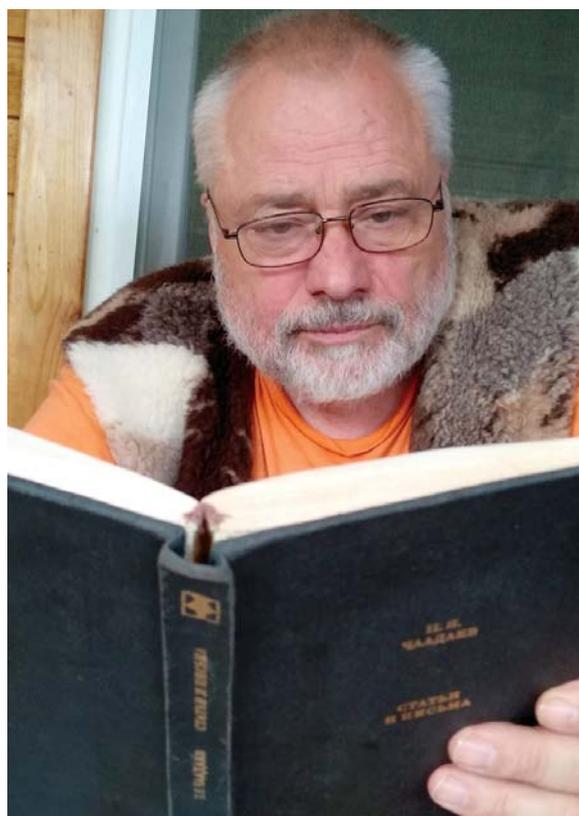
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 11–36.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье автор показывает, как Петр Великий, желая преодолеть русский «бунташный век» и спасти страну как державу, осознал необходимость создать вместо Московского государства Российскую империю — мощную структуру, в чем-то равновеликую Римской. Внутренние бунты, поддерживаемые Западом, не сумели развалить Россию. Екатерина Великая закрепила дело Петра, поставив как символ этой преемственности великий памятник первому императору, который с легкой руки Пушкина получил имя

Медный всадник. К несчастью, созданная Петром империя продержалась всего двести лет. Но Россия осталась.

Ключевые слова: Пушкин, Петр Первый, Екатерина Вторая, Монтескье, Пугачев, французские деньги, русский бунт, империя, Петербург, русский европеец

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. К вопросу о становлении Российской империи // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 11–36. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36.

From the Editor

ON THE QUESTION OF THE FORMATION
OF THE RUSSIAN EMPIRE

Vladimir K. Kantor

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article, the author shows how Peter the Great, wanting to overcome the Russian “age of rebellion” and save the country as a state, realized the need to create a Russian Empire instead of the Muscovite state — a powerful structure, in some ways equal to the Roman Empire. Internal rebellions, supported by the West, failed to destroy Russia. Catherine the Great consolidated Peter’s work, erecting as a symbol of this continuity a great monument to the first emperor, who, with the light hand of Pushkin, received the name Bronze Horseman. Unfortunately, the empire created by Peter lasted only two hundred years. But Russia remained.

Keywords: Pushkin, Peter the Great, Catherine the Great, Montesquieu, Pugachev, French money, Russian revolt, empire, Petersburg, Russian European

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2025) “On the Question of the Formation of the Russian Empire,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 11–36. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-11-36.

По крайней мере начиная с Платона тема власти, тема государства является одной из ведущих в попытках осмыслить судьбу человеческого сообщества. Его «Государство», гениальный художественный диалог, было своего рода настольным трактатом для тех, кто задумывался о принципах власти. Одним из самых замечательных ответов Платону стала книга Томаса Мора «Утопия» (1516), рассказ о путешествии некоего Гитлодея. Это вполне художественный рассказ о невозможности проекта. Мор дал, на мой взгляд, ироническое изображение принципов платоновского государства или, по крайней мере, рецепцию его этактистских идей (имя Платона он не раз упоминает на полях своей рукописи). Утопия — это, как известно, место, которого нет (*u-topos*), но которого, видимо, и быть не может. А имя рассказчика — Гитлодей — происходит от слова «гитлос» («болтовня»). Не забудем, что близким другом Мора был Эразм Роттердамский, автор издевательски-иронической книги «Похвала глупости» (*Moriae Encomium sive Stultitiae Laus*). И как заметил политолог И. Локшин, «в “Утопии” присутствует персонаж по имени Томас Мор, олицетворяющий автора. Но книга написана на латыни, и имя в ней латинизировано — а *Mogus* переводится как “глупец»» [Лузин, 2023]. Нынешние антиутописты просто не поняли смысла книги Мора.

Но важнее в платоновской системе соображение о том, кто должен стоять во главе государства. Это философы и воины. Не буду перечислять всех великих правителей, но нельзя не вспомнить Александра Македонского, учителем которого в течение многих лет был сам Аристотель. Можно вспомнить римского императора Марка Аврелия, воина и великого философа-стоика. Строго говоря, соплеменник Мора — великий Фрэнсис Бэкон — возразил ему, написав роман «Новая Атлантида» (1627) об острове Бенсалема, которым управляет ученый орден «Дом Соломона».

Эти тексты читались в России и имели отклики в отечественных сочинениях. Но стоит назвать еще по крайней мере три книги. Это «Государь» Макиавелли — по слухам, эту книгу читал Сталин. И еще два европейских фило-

Д. Г. Левицкий. Дени Дидро. 1773

софских гения, которые решали вопрос о власти... И два великих правителя, сумевших преодолеть внутренние и внешние катастрофы и, строго говоря, создавших Россию. Да, да! Это Петр и Екатерина. Конечно, они не были философами, хотя Екатерину и называли философом на троне. Но, как и Александр Македонский, они понимали важность философии. Петр ориентировался на Гоббса, Локка, а с Лейбницем переписывался и принял от него совет устроить в Петербурге Академию. Екатерина была в постоянной переписке с Вольтером, обсуждая с ним, среди прочего, бунт Пугачева, а свой «Наказ» писала, опираясь на идеи «Духа законов» Монтескье. Она выкупила библиотеку Дидро, чтобы финансово поддержать философа, но оставила его хранителем библиотеки.

Нет доказательств, что Петр читал Гоббса, хотя, как пишут исследователи, мог: книга была и в любимой Петром Голландии. Но вот любопытный факт: по приказу Петра переводится книга Джона Локка «О веротерпимости», в русском издании «О толеранции». Локк шел следом за Гоббсом. Но Гоббс был жестче,

толерантность не очень-то прельщала его. Иными словами, Гоббс был в контексте интересов императора.

Томас Гоббс (1588–1679) — автор гениального «Левиафана» (1651), книги, построенной на художественном образе библейского чудовища, пытавшейся объяснить, как прекратить «войну всех против всех», что важно во все времена, а тогда особенно. Россия раздиралась на части боярскими и стрельецкими бунтами. Гоббс переживал нечто подобное в катастрофах Английской революции. Бесконечная война, в которой никакие договоры между отдельными людьми не соблюдаются без гаранта. Именно в роли такого гаранта и выступает государство Левиафан, которое устанавливает всеобщий мир. Но сам Левиафан, как следует из Библии, жесток и беспощаден.

* * *

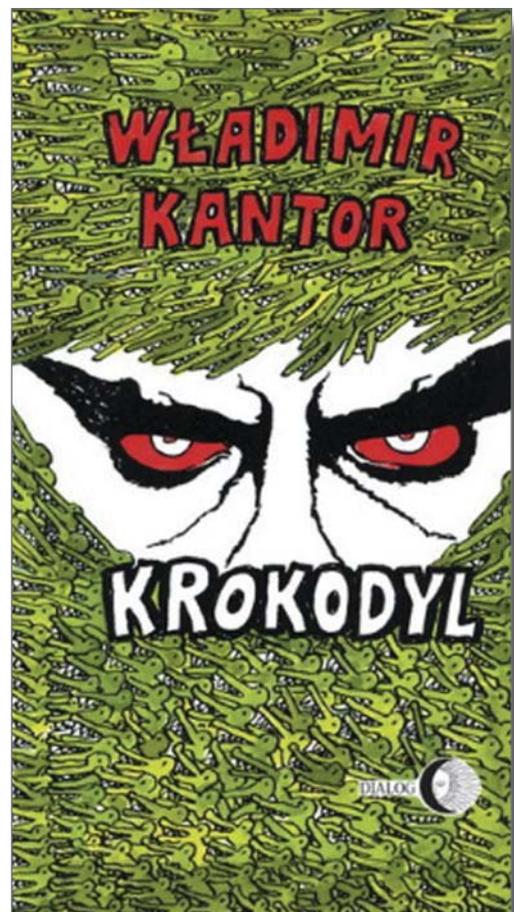
Отступление. Левиафан. Я задал тему художественности этих философских текстов вполне сознательно. Мой интерес объясняется очень просто: я не только культур-философ, но и писатель. Как, впрочем, многие философы. А с Левиафаном связана некая история. Много лет назад, в 1986 году, я написал небольшой роман «Крокодил». Написал его довольно быстро. Моя жена Марина рожала дочку, а я роман. Дочка родилась, красавица, теперь она большая и у нее трое красивых детей. С романом была невнятица, его не взял ни один московский журнал. Рецензент из журнала «Знамя», писавший статьи об эстонской литературе, сказал, что фантазмагорий они не печатают:

— А у Вас крокодил ходит среди людей и этому никто не удивляется.

Я возразил, что в журнале тем не менее напечатали «Собачье сердце» Булгакова, и в ответ услышал:

— Вы же не Булгаков.

Ответ, конечно, классический. Однако в Питере я пошел в журнал «Нева», где потрясающий критик Самуил (Саня) Лурье принял роман и уговорил главного редактора его напечатать. Итак, «Нева», 1990, № 4. А далее началась самостоятельная жизнь текста. Роман был опубликован в Польше в

Издательница Иоганна Гиль-Шиминска с детьми, В. К. Кантор и польская славистка Людмила Луцевич

2007 году в переводе Валентины Тшинской (Walentyna Mikołajczyk-Trzcińska), с неожиданными иллюстрациями Богдана Бутенко, которые заслуживают отдельной статьи, и в Варшаве была презентация. Потом роман издали в Эстонии (в переводе Юрия Туулика) и Италии (перевод Эмилии Маньянини, лучшей итальянской славистки). Переведен в Чехии блистательным переводчиком Аленой Моравковой, но изменилась политическая погода, и книга не опубликована до сих пор.

Иероним Граля

А польский перевод принес неожиданное прочтение заглавия романа.

Тогдашний культур-атташе польского посольства Иероним Граля, великолепный историк, специалист по истории Московской Руси, профессор Варшавского университета, устроил то, что ни до него, ни после не практиковалось. Обычно на территории по-

сольства отмечались переводы польских книг на русский. Пропаганда польской культуры. А тут перевод русского романа на польский! Но Иероним настоял и даже пригласил знаменитого русского актера (кажется, Евгения Стеблова) прочитать отрывок из русского «Крокодила». Было видно, что актер текст видит первый раз и пришел только за гонораром. Ну и, конечно, Граля позвал друзей и коллег автора. Стол он накрыл в стиле Москвы конца семидесятых. Но водка все же была польской — Wybogoła.

Выпили, стали обсуждать, откуда взялся крокодил. Насколько невероятна моя фантазия. И тут мой приятель и коллега филолог и профессор Игорь Вадимович Кондаков достал маленькую книжку, русское издание «Крокодила», и сказал:

— Да у тебя здесь все написано.

И прочитал вслух:

Просто ты видишь то, чего не видят другие. В сознании твоём слой цивилизации прорвался. А под этим слоем — бездна. Вот я — отту-уда. В самом деле, почему-у лю-удям, а не ящерам владеть землей?! Сие есть вопрос. Впрочем, Божий су-уд решит.

— А при чем здесь Божий суд? — спросил Лева, чувствуя, что сходит с ума, обсуждая со странным и страшным субъектом метафизические тонкости (...).

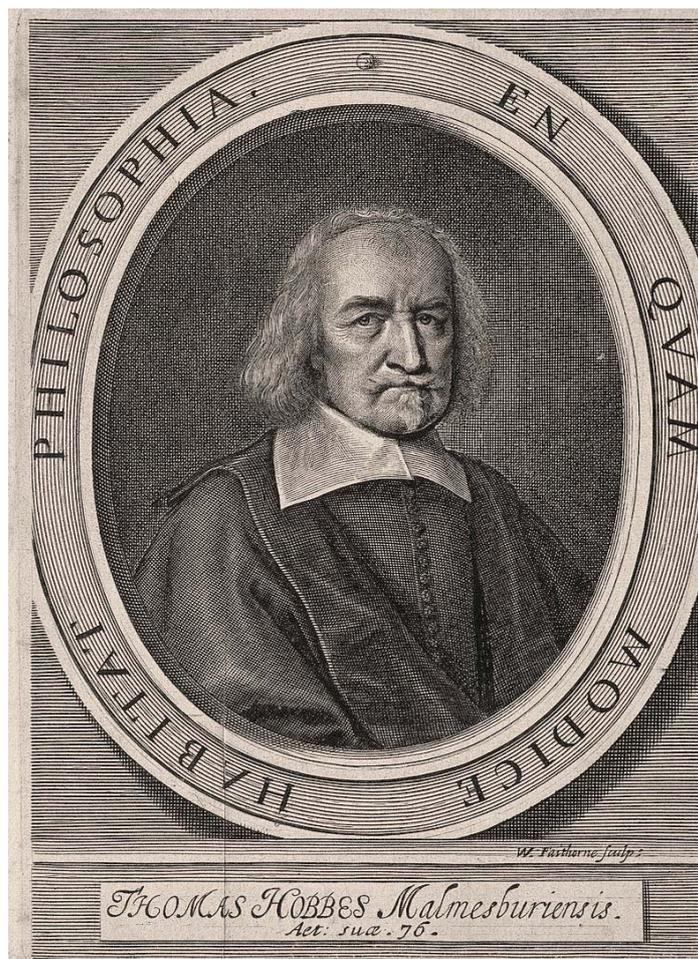
— Объясню-у, объясню-у. — сказал мычащий субъект, сладострастно хрюкнув. — У-у Божия су-уда много орудий. Сами по себе они могу-ут быть и у-ужасны, но их используют, и в этом их оправдание. А крокодил, чтоб ты знал, — из древнейших орудий. В Библии его называли левиафаном, и он непобедим.

[Кантор, 2002, с. 187–188]

— Так вот ты сам произнес это слово. Левиафан! Твоего героя Леву пожирает государство-левиафан. Вспомни Гоббса! Ведь Лева втайне мечтал бунтовать против государства. Вот оно с ним и разделалось!

Игорь Вадимович Кондаков

Мысль Гоббса о необходимости появления сильной руки неслучайна, поскольку Английская революция окончилась весьма кроваво, казнью короля Карла I, установлением диктатуры Оливера Кромвеля. Поэтому Гоббс считал появление Левиафана необходимым условием для пресечения возможных гражданских войн. И лучшим вариантом Левиафана Гоббс считал монархию:

Общие интересы поэтому больше всего выигрывают там, где они более тесно совпадают с частными интересами. И именно такое совпадение мы имеем в монархии. Богатство, сила и слава монарха обусловлены богатством, силой и славой его подданных.

[Гоббс, 2016, с. 252]

Империя в России состоялась с Петра. Он действительно был Великий. Он строил Россию именно как империю. Стоит вообразить себе положение дел до его прихода к власти. Россия должна была развалиться не сегодня, так завтра. Она сотрясалась бунтами. XVII столетие, по словам историков, — «бунташный

век». Кондратий Булавин, Степан Разин и прочие злодеи — это постоянные бунты. Бунты начинались на окраине, где власть, и без того не очень сильная, практически отсутствовала. Короче говоря, Россия была не жилец на этом свете. Мне довелось прочесть письмо одного безымянного англичанина-фактора, написанное во время разинского восстания своему хозяину-купцу в Лондон, где он пишет: если сейчас падет Москва, то с кем здесь вообще о чем-то можно договариваться, гуляй-поле сплошное. Вот его слова:

Не только нас, иностранцев, терзали эти опасения, ибо несколькими днями раньше увеличившееся войско бунтовщика Разина расположилось на равнине под столичным городом этой страны столь большим числом, что верным подданным великого государя воображение рисовало лишь один возможный конец — неизбежное падение величия этой державы.

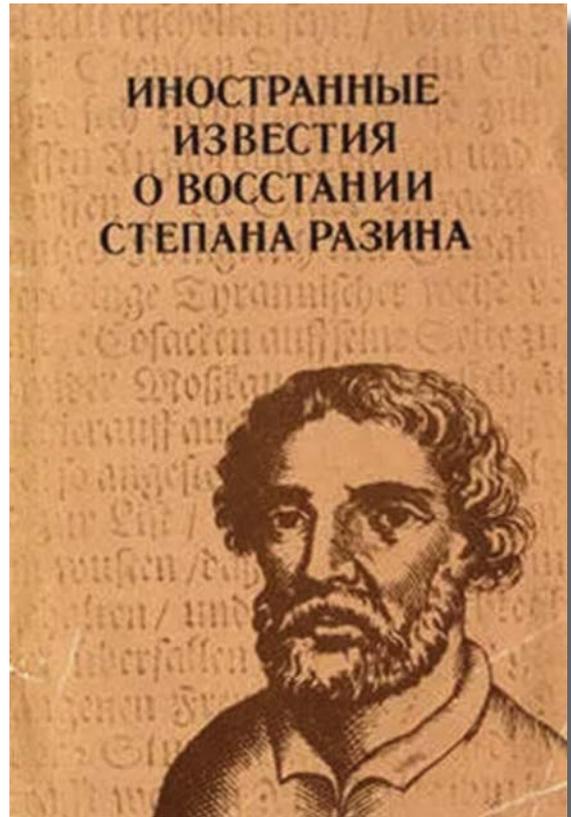
[Повествование о величайшей на памяти человечества победе ... , 1975, с. 11]

Россия катилась в бездну. Но пришел Петр, и свершилось чудо. Как говорил Пушкин, бывают вещи, которые даже самому умному человеку понять невозможно. Это чудо божьего предопределения. Петр был таким чудесным божественным провидением.

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

[Пушкин, 1994, с. 147]

Откуда и как к нему это все пришло, непонятно. Пушкин и в своей «Полтаве», и в других произведениях вкладывает в уста Петра слова человека, который следует воле Бога. В итоге Россия не просто вышла из убийственных катастроф, из губельного состояния, она вышла империей! И в ней возник Пушкин.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.

[Пушкин, 1994, с. 56]

Очень точен Мережковский:

Но над этим сонмом пушкинских героев возвышается один — тот, кто был первообразом самого поэта, — герой русского подвига так же, как Пушкин, был героем русского созерцания. В сущности, Пушкин есть донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию. (...) Вся последующая русская литература есть как бы измена тому началу мировой культуры, которое было завещано России двумя одинокими и непонятыми русскими героями — Петром и Пушкиным.

[Мережковский, 2017, с. 280–281]

И Петр, и Екатерина умели и любили слушать философов. Вспомним Платона, его мысль, что философы должны править государством. История показала, что в правители философ редко годится, но вот в советники — да.

Для этого правитель должен понимать свои задачи. Поэтому прежде, чем сказать несколько слов о памятнике Петру, хочу напомнить о втором этапе реформ, превративших Россию в могущественную державу. Сошлюсь на западную славистку:

За долгое правление Екатерины II российское общество очень сильно переменялось. Петровские реформы еще прокладывали себе путь в различных его слоях, охватывая все более широкие круги, когда нахлынула вторая волна великих преобразований, уже екатерининских. Не только прямые усилия власти преобразовать общество сверху, но и развитие экономики, более тесная коммерческая интеграция и политическое сотрудничество с Европой способствовали формированию несравнимо более сложной социальной структуры в России. (...) На 1786–1796 гг. пришелся поразительный подъем российской эко-

Пьер-Этьен Фальконе. Екатерина II. 1774

номики, которому не помешала даже война. Отчасти это было связано с колонизацией южных земель и присоединением Крыма, а кроме того, дало результаты Генеральное межевание, благодаря которому было куплено и взято в аренду очень много невозделанных земель в Центральной России и резко возросла запашка. В Московской губернии она расширилась на 60% под влиянием близости московского рынка.

[Мадариага, 2002, с. 875]

Любопытно, что Екатерина была коренной немкой, которая приехала в нашу империю почти подростком, выучила русский язык, приняла православие и стала великой русской императрицей, которая заботилась о государстве. И она практически с первых дней своего воцарения задумалась о памятнике

Этьен Морис Фальконе

Петру Великому, желая подчеркнуть свое следование Петру. Петр построил Петербург, но у города не было символа, который могли бы видеть все. Напомню, что Медный всадник своим появлением обязан Екатерине и ее философскому гуру Дени Дидро, который поддержал идею памятника Петру и посоветовал пригласить на эту работу своего друга, скульптора Этьена Фальконе. Императрица писала, что «Дидерот доставил мне человека, которому нет подобного, это Фальконет, он вскоре начнет статую Петра Великого; если есть художники равные ему по таланту, то смело можно сказать, что никто из них не может сравниться с ним в чувствах, словом он друг души Дидерота»¹.

И памятник Петру Великому был создан

в 1768–1778 годах скульптором Этьеном Морисом Фальконе (1716–1791), открыт на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в августе 1782 года. Идея составить постамент из нескольких глыб не понравилась Фальконе.

Тогда дали объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях», вознаграждение — 100 рублей. На объявление отозвался Семен Вишняков, он служил строителем при дворе. Вишняков рассказал, что рядом с деревней Конная Лахта есть огромный валун, который в народе прозвали Гром-камнем. Специалисты считают, что Гром-камень когда-то был своеобразным алтарем. Когда Вишняков и Фальконе приехали посмотреть на гранитную глыбу, крестьяне взялись за оружие, чтобы прогнать чужаков и сохранить свою святыню. Пришлось призвать войска и оцепить это место.

Фальконе не удалось вылепить голову Петра I так, как этого хотелось Екатерине. В итоге эта работа была перепоручена помощнице мастера Мари-Анн Колло. Ей удалось получить нужное сочетание мужественности, воли и разума. Девушка, прибывшая в Россию вместе с Фальконе, в одночасье стала членом Императорской Академии искусств за свою работу. А от императрицы ей пожалована пенсия в размере 10 тыс. ливров. Получать деньги Мари должна

¹ Цит. по: URL: <https://newreportage.ru/archives/15657> (дата обращения: 23.12.2024).

Надпись на постаменте: «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782» с одной стороны, и “PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII” — с другой. Тем самым подчеркивается преемственность деятельности Петра и Екатерины

была пожизненно. Федору Гордееву — скульптору из России — поручено было создать змею, попираемую Петром.

Фальконе не удалось увидеть установленный памятник, которым он гордился, говоря, что теперь он весь не умрет. Он заболел, вернулся в Париж, там его разбил инсульт, за ним до самой смерти ухаживала его преданная ученица Мари-Анн Колло. Но его памятник Петру, ставший в сознании всех с легкой руки Пушкина Медным всадником, приобрел значение символа русской империи, ну и города, разумеется. Говорят, что во время страшной бомбежки немцами Ленинграда уцелевшие жители ходили к Всаднику, говоря, что, пока он стоит, и мы выстоим.

Петр сумел создать великую державу из распадавшейся страны. Великая Екатерина продолжила его невероятную работу.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,

В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
(...)
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

[Пушкин, 1994, с. 23]

Империи иногда долговечны, иногда недолговечны. Как правило, они сталкиваются друг с другом. Вот Испанская империя столкнулась с Британией и проиграла. В итоге Испания стала обычной страной, а Британия — Великобританией. Похожая ситуация была и с нами. Ведь до Петра I на Варяжском, или, как сейчас говорят, Балтийском, море была другая, Шведская империя. Она господствовала в этом регионе. Как писал один шведский ученый, две империи не могли существовать на одном море, одна должна была уйти. После Полтавской баталии шведы ушли. Кстати, в этом сражении украинцы проявили себя как абсолютные предатели. Я имею в виду Мазепу. Но это шведам не помогло. Балтийское море стало русским. Кстати, в Стокгольме стоит памятник Карлу XII, который показывает рукой в сторону России. Так вот, шведы шутят: то ли он показывает рукой и говорит: «Ребята, надо заново идти туда», то ли предупреждает: «Туда не ходите, только не туда!» Вообще, в быту шведы, да и все европейцы, симпатичные, но они все ужасно законопослушные. У них есть жесткая установка, что начальство надо слушаться. Так вот, это как раз не имперское, а тоталитарное сознание! Имперский человек более свободный. Пушкин в этом смысле был имперским свободным человеком. Он спорил с царями, доказывая свое.

Но в XVIII столетии опасность гражданской войны осознали лишь Петр и Екатерина. Петр пережил чудовищный по жестокости стрелецкий бунт 1682 года. На глазах десятилетнего мальчика был убит его дядя, которого пытали, а потом разрубили на части. Оттуда, думаю, идут и нервные тики Петра. Так называемая стрелецкая казнь случилась в 1698 году, после нового восстания этого войска, которое было подавлено уже взрослым царем, и, в сущности, была расплатой за детский ужас.

А Екатерина пережила кровавую пугачевщину.

И не забудем великого Монтескье (1689–1755), оказавшего бесспорное влияние на русскую мысль. На Екатерину, как мы знаем, произвел сильнейшее

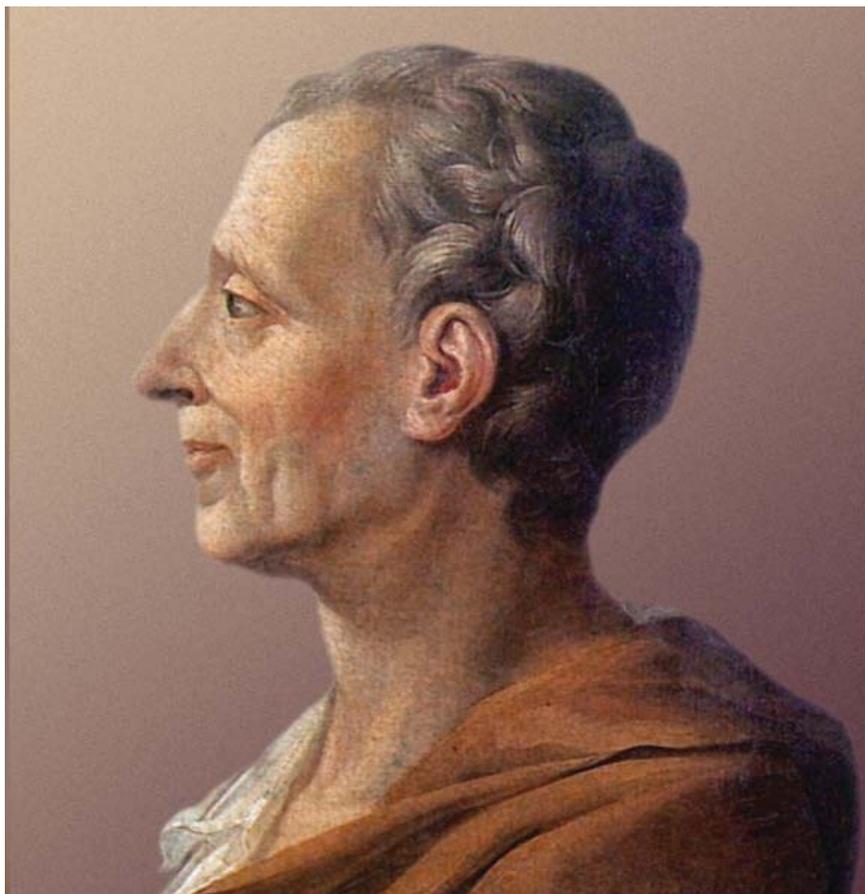

А. И. Корзухин. Мятеж стрельцов в 1682 году.
Стрельцы выволакивают из дворца Ивана Нарышкина. Царица Наталья рыдает на коленях,
10-летний Петр ее утешает, рядом стоит царевна Софья. 1882

впечатление трактат Монтескье «О духе законов». Одним весьма важным соображением для русских образованных людей, которых было немного, но они были, и число их увеличивалось, стало рассуждение о чести: «Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели» [Монтескье, 2023, с. 41]. Именно это понятие стало определяющим в поведении героя «Капитанской дочки» (см.: [Кантор, 2024]).

Была еще проблема российских огромных пространств. Как ими управлять? Екатерина по мотивам «Духа законов» Монтескье писала, что такую державу сможет держать в узде лишь самодержец.

Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

Монтескье Шарль Луи де Секонда (1689–1755).
Французский мыслитель, историк и философ

10. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно.

[Императрица Екатерина II, 2003, с. 73]

Российские государи читали европейских мыслителей, пытались строить страну по их лекалам, материал требовал, как и в Европе, суровости. Русские мыслители не всегда это понимали, но англичане пережили казнь короля, чуть позже казнь своего суверена пережили и французы. У русских все это было впереди, расстрел царя и его семьи в доме Ипатьева в Екатеринбурге (город был переименован в Свердловск, по имени человека, приказавшего расстрелять царскую семью).

Пугачев вырезал дворян семьями. И суровость, даже жесткость стали неременным моментом правления Петра и Екатерины. Екатерина писала Воль-

теру о Пугачеве: «Я простила бы его, но это дело — дело всей Империи, а у нее свои законы» [Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 418]. Да, у империи свои законы. У государства свои законы, как звучит эта же мысль в другом переводе.

Пушкин ненавидел бунт, а пугачевский его просто заворожил ужасом. Пугачев, и это чистая правда, повесил несколько тысяч дворян. Причем вешал не только отцов семейств, но и их жен, и детей. Чудом избежал этой участи великий баснописец Иван Крылов. Пушкин об этом написал в «Истории пугачевского бунта». Там есть страшные вещи. Как Пушкин говорил: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Именно бессмысленный и очень жестокий. Например, такой эпизод. Бунтовщики схватили астронома Ловица и спросили, чем он занимается. «Изучаю звезды», — ответил он. «Ну повесьте его поближе к звездам», — сказал Пугачев. Что и было сделано. Это более, чем звериная степень жестокости. Но, что любопытно, в своей переписке с Вольтером Екатерина Великая называла Пугачева маркизом. Это не оговорка, хотя, быть может, и шутка.

Екатерина, скорее всего, знала о французских деньгах, которые родина Вольтера давала Пугачеву. Пушкин, когда писал «Историю пугачевского бунта», лично проехался по всем местам, которые описывал. И в Бердской слободе — бывшей ставке Пугачева — нашел 17 бочек монет, на которых по латыни была надпись от имени Петра III: «Я пришел и буду мстить». Понятно, что в России подобного количества таких монет появиться не могло. Да и на латыни никто из соумышленников Пугачева не писал. Это, скорее всего, был французский след. Россию надо было развалить, сломать! Людовик XV в инструкциях, данных назначенному в Россию послу, пишет: «Все, что может ввергнуть ее в хаос и заставить вновь погрузиться во тьму, отвечает моим интересам»². А Пугачев и нес тот самый желаемый в Париже хаос.

Как говорила та же Екатерина: «Почему так не любят Россию? Потому что она большая». Так она и сейчас большая. Поэтому ее надо разделить на части. Россия действительно очень большая, и она все время кажется лакомым куском.

* * *

Но и Российская империя прожила не очень долго, хотя и немало. С 1721 по 1917 год — 196 лет. В 1917 году Временное правительство провозгласило Россию республикой. Наследник Петра Николай Второй отрекся от престола в пользу своего младшего брата Михаила, а тот, в свою очередь, не рискнул

² Цит. по: URL: <https://foto-history.livejournal.com/2978222.html> (дата обращения: 23.12.2024).

Гавриил Ильич Мясников

стать новым монархом. И все равно был убит человеком с говорящей фамилией — большевиком Гавриилом Ильичом Мясниковым (1889–1945). Так закончилась почти двухсотлетняя история имперской жизни России.

Поразительно, как удивительно внятно, точно объяснил произошедшее Максимилиан Волошин. Поэты зорче политиков, даже зорче философов. Начал со строчки о доброте последнего императора, а правитель не может быть бессмысленно добрым. Государство — это Левиафан.

А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином,
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена,
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя...

[Волошин, 1982, с. 343]

После Октябрьской революции 1917 года (или, если угодно, переворота) произошло то, что Ортега-и-Гассет называл вертикальным вторжением варварства. С. М. Соловьев писал, что после нашествия степняков (монголо-татарских войск), с трудом и потерями преодоленного Русью, начались восстания «внутренней степи», бунты Болотникова, Булавина, Разина, Пугачева (с массовым убийством мирных жителей и погромом их трудов), невероятным напряжением сил разбитые царскими полководцами.

Столица, воздвигнутая Петром, ни разу, даже в страшный период ленинградской блокады, не поддалась внешнему врагу. Но была захвачена внутренними варварами в 1917 году. Это ощущение на новом историческом витке прихода таких же завоевателей, чужих — не по крови, а по некой мен-

тальности, — было очень сильно. А связано это с тем, что принципы, которые большевики проводили в жизнь, были абсолютно допетровские. После революции стало особенно заметно, что Россия вернулась в допетровскую Русь. Вот Бунин: «Весь огромный город не живет. Сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги» [Бунин, 1990, с. 107]. И русские оказались вдруг в абсолютной тьме Московской и даже домосковской Руси. Петербургская Россия вся была выкинута за пределы России. Именно это варварское нашествие предвидел в «Медном всаднике» Пушкин, изобразив его как потоп.

Изучая подробности пугачевского бунта, думая изобразить благородного дворянина, перешедшего на сторону Пугачева, вариант Дубровского, Робин Гуда или Ринальдо Ринальдини, он почувствовал, что здесь нечто другое. Очевидно, чем больше он вчитывался в эту кровавую историю, тем яснее становилась гнусность и Пугачева, и перешедшего к Пугачеву дворянина. В результате возникает пара — юный, наивный Гринев, воспитанный в понятиях чести, и абсолютно безнравственный Швабрин. Огарев, эмигрант-радикал, человек, отдавший, не моргнув глазом, свою жену своему другу Герцену, готов был пойти в ординарцы к Пугачеву.

* * *

В 1906 году Мережковский написал потрясающую статью «Грядущий хам», где попытался обозначить ужас, уже существующий и входящий в русскую жизнь.

У этого Хама в России — три лица.

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия (...).

Второе лицо прошлое — (...) позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной.

Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц.

[Мережковский, 2023, с. 144]

Он угадал, хамство, хулиганство, бандитизм становятся нормой сознания и воспеваются поэтами, предчувствующими погром России. В 1915 году выходит «Облако в штанах» Владимира Маяковского, в котором поэт не стесняется бандитской разнузданности, а призывает к ней:

Владимир Владимирович Маяковский. Фото. 1915

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!

[Маяковский, 1955, с. 187]

Бандитский кастет вместо лиры предлагает поэт поэтам. Слабого бандит рад убить. Но Христос всегда был бит и гоним. Стало быть, можно гнать всю Троицу — Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого.

Я думал — ты всеильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крылатые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

[Маяковский, 1955, с. 195–196]

Стоит поставить эти стихи в контекст рассуждений Достоевского и Ницше об убийстве Бога. То, что звучало как предвестие апокалипсиса, стало приобретать реальные очертания. И Пугачева воспели далеко не худшие.

Вот гуру левых поэтов, авангардист Велемир Хлебников, уверявший, что он родился в стане монгольских исповедующих Будду кочевников. Его биограф немного уточняет: Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников родился 9 ноября 1885 года в Черноярском уезде Астраханской степи, среди калмыков-кочевников, исповедовавших ламаизм. И Хлебников одним из первых заявил о своей близости к Пугачеву (1922).

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!

[Хлебников, 2001, с. 372]

А вот и хулиган Сергей Есенин. Великий поэт, бравировавший своим хулиганством, написал поэму «Пугачев» (1921). К концу жизни писал, что теперь любит цивилизацию. Но поэтическое слово уже было сказано.

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр!
Чернь его любит за буйство и удаль.

[Есенин, 1955, с. 320]

Как Рим строил свою империю? Да, он сначала завоевывал племена и народы, но потом они становились римлянами и получали все права, которые имели граждане Вечного города. Похожим образом ситуация развивалась и в России. Она присоединяла кочевые племена и роды, и их вожди получали российское дворянство. Они становились частью элиты Российской империи, а их соплеменники — полноценными подданными государства. Думаю, ни для кого не секрет, что многие выдающиеся русские мыслители имеют татарские

корни. Это и Чаадаев, и Карамзин, и Тургенев, и другие. Всех просто не перечислишь, список будет огромный. Это все татарские роды, которые стали верными слугами российского самодержавия.

Монтескье писал, что между цивилизованными монархиями возможны войны, но со стороны деспотий существуют лишь нашествия. Запад тоже очень разный был. Когда немцы шли по миру, уничтожая все на свете, это было нашествие, но не азиатских орд, а просвещенных европейских наций под руководством Германии. Философ Георгий Федотов в своей работе «Письма о русской культуре. Русский человек» писал: «В течение долгого времени Европа, как целое, жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» [Федотов, 1992, с. 178]. Это были люди, воспитанные на высокой европейской классике, античной и христианской.

Возьмите Пушкина, который без конца цитирует в своих произведениях то Гомера, то Вергилия, то Горация и Овидия, то Анакреона, то Данте, то Евангелие. Он этим жил. Когда Екатерина повелела построить Одессу на месте какой-то маленькой турецкой крепости, она ведь велела построить не просто город-порт, а южный Петербург. Так было задумано. Это были ворота в Россию с Юга.

Петр задал русской жизни ориентацию на спасительное для России имперское сознание. Если Петр был основателем империи, то Екатерина — устроительницей. И страна усилилась и расцвела. Екатерина пробыла на троне 34 года, пережила страшный пугачевский бунт, чуть не погубивший империю, но она вышла из этой катастрофы победительницей и благоустроила Россию. Являлась главной имперской силой нашей страны. Потом были разные периоды. Но главное в них одно: когда на место наднационального имперского сознания ставится национальное, то происходят периоды спада.

Император Николай I однажды на придворном балу спросил маркиза Астольфа де Кюстина, спасавшегося в России от французской революции:

— Маркиз, как вы думаете, много ли русских в этом зале?

— Все, кроме меня и иностранных послов, ваше величество!

— Вы ошибаетесь. Вот этот мой приближенный — поляк, вот немец. Вон стоят два генерала — они грузины. Этот придворный — татарин, вот финн, а там крещеный еврей.

— Тогда где же русские? — спросил Кюстин.

— А вот все вместе они и есть русские.

Все европейские государства, которые можно вспомнить, сейчас маленькие, мононациональные страны, и по-другому они быть уже не могут. В пе-

риоды, когда были империями, они имели колонии, захваченные в стороне от основной их территории. Эти территории были за пределами метрополии, за далекими морями, порой на других континентах. В России такие территории стали частью государства, в котором все срослось и смешалось. Как она может разделиться? Когда я по стипендии Генриха Бёлля более полугодом жил в Германии, со мной общались немецкие слависты. И на голубом глазу, как невинные ягнята-доброжелатели, уговаривали меня агитировать в России, чтобы она разделилась на части, тогда, мол, ее будет легче европеизировать. Я спрашивал: «Как вы себе это представляете? Кому достанется ядерная кнопка? Москве, Петербургу, Грозному, Татарстану, Якутии, кому?» На этот вопрос ответа не было. Как говорил Монтескье, такие государства, как Россия, должны быть единодержавными. А у нас Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Сибирь были частью материковой России. По меньшей мере 120 национальностей, и они все называют себя россиянами. Я в свое время бродил по Дагестану, и скажу, что язык, на котором все говорят, — русский, потому что по-другому они между собой не могут общаться. Каждый аул имеет свой язык. Они между собой не договорились бы никогда, если бы не было русского языка. Так что это не наша прихоть, а суровая правда жизни. Русский язык — связующий. На нем говорят и пишут люди разных национальностей. Впрочем, великие английские писатели, писавшие на английском, были этнически не только англичанами, но и шотландцами (Роберт Бернс, Вальтер Скотт, Роберт Стивенсон), и ирландцами (Джонатан Свифт, Оскар Уайльд, Джеймс Джойс). У начала русской классической литературы стояли потомок эфиопского арапа Пушкин и малоросс Гоголь.

На этих двух опорах и стоит Россия. А третий русский гений не только поэтически описал катастрофу, пережитую страной, но и указал Фарос — символ надежды.

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.

Астольф де Кюстин

И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.
И все ж придет, придет пора
И воскресенья, и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.

Иван Бунин. День памяти Петра (1925)

Список источников

Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. 414 с.

Волошин М. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Paris: YMCA-Press, 1982. Т. 1. 532 с.

Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.

Екатерина II и Вольтер. Переписка / пер. и сост. А. И. Любжин. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2022. 600 с.

Есенин С. А. Пугачов // Есенин С. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1956. С. 305–334.

Императрица Екатерина II. НАКАЗ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Императрица Екатерина II. О величии России. М.: Эксмо, 2003.

Кантор В. К. Крокодил. Роман. М.: Московский философский фонд, 2002. 238 с.

Кантор В. К. Тема власти в творчестве Пушкина (Читая еще раз «Капитанскую дочку») // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 11–41.

Лузин М. Правильно ли мы понимаем «Утопию»? Екатеринбург: Ельцин Центр, 2023. URL: <https://yeltsin.ru/news/pravilno-li-my-ponimaem-utopiyu/> (дата обращения: 23.12.2024).

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛО, 2002. 976 с.

Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 1. С. 173–196.

Мережковский Д. С. Вечные спутники. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 447 с.

Мережковский Д. С. Грядущий хам. М.: Дмитрий Сечин, 2023. 1088 с.

Монтескье Шарль Луи. О духе законов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2023. 832 с.

Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или полный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его стотысячной армии великим царем России и его прославленным генералом Долгоруковым. Написано

английским фактором из московского порта // Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1975. С. 10–12.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.: Воскресенье, 1994. Т. 5: Поэмы 1825–1833. 543 с.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии и истории русской культуры: В 2-х т. СПб.: Издательство «София», 1992. Т. 2. С. 163–187.

Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2001. Т. 2: Стихотворения 1917–1922. 608 с.

References

Bunin, I. A. (1990) *Okayannye dni [Cursed Days]*. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Voloshin, M. (1982) *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 tomakh. Tom 1 [Poems and Poems: in 2 vols. Vol. 1]*. Paris: YMCA-Press.

Gobbs, T. (2016) *Leviafan [Leviathan]*. Moscow: RIPOL klassik.

Ekaterina II and Vol'ter (2022) *Perepiska [Correspondence]*. Transl. and comp. by A. I. Lyubzhin. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo.

Esenin, S. A. (1956) "Pugachov," in Esenin, S. A. *Stikhotvoreniya i poemy [Poems]*. Leningrad: Sovetskii pisatel', pp. 305–334.

Ekaterina II, Imperatritsa (2003) "NAKAZ Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya" ["ORDER of the Commission on Drafting a new Code"], in Ekaterina II, Imperatritsa. *O velichii Rossii [On the Greatness of Russia]*. Moscow: Eksmo.

Kantor, V. K. (2002) *Krokodil [Crocodile]*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond.

Kantor, V. K. (2024) "The Theme of Power in Pushkin's Works (Reading 'The Captain's Daughter' Again)," *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 11–41. (In Russ.).

Luzin, M. (2023) *Pravil'no li my ponimaem "Utopiyu"?* [Do we Understand "Utopia" Correctly?]. Ekaterinburg: El'tsin Tsentr. Available at: <https://yeltsin.ru/news/pravilno-li-my-ponimaem-utopiyu/> (Accessed: 23 December 2024).

Madariaga, I. de (2002) *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoi [Russia in the Era of Catherine the Great]*. Moscow: NLO.

Mayakovskii, V. V. (1955) "Oblako v shtanakh" ["A Cloud in Trousers"], in Mayakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh. Tom 1 [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 173–196.

Merezhkovskii, D. S. (2017) *Vechnye sputniki [Eternal Companions]*. Moscow: Dmitrii Sechin.

Merezhkovskii, D. S. (2013) *Gryadushchii kham [The Coming Boor]*. Moscow: Dmitrii Sechin.

Montesquieu, Charl' Lui (2023) *O dukhe zakonov [On the Spirit of Laws]*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

“Povestvovanie o velichaishei na pamyati chelovechestva pobede, ili polnyi razgrom velikogo buntovshchika Stepana Razina i ego stotysyachnoi armii velikim tsarem Rossii i ego proslavlennym generalom Dolgorukovym. Napisano angliiskim faktorom iz moskovskogo porta” [“The Story of the Greatest Victory in Human Memory, or the Complete Defeat of the Great Rebel Stepan Razin and his Hundred-thousand-strong Army by the Great Tsar of Russia and her Famous General Dolgorukov. Written by an English Factor from the Moscow Port”] (1975) in *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina. Materialy i issledovaniya [Foreign News about the Uprising of Stepan Razin. Materials and Research]*. Leningrad: Nauka, pp. 10–12.

Pushkin, A. S. (1994) *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 5 [Complete Works. Vol. 5]*. Moscow: Voskresen'е.

Fedotov, G. P. (1992) “Pis'ma o russkoi kul'ture” [“Letters about Russian Culture”], in Fedotov, G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii i istorii russkoi kul'tury: V 2 tomakh. Tom 2 [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy and History of Russian Culture: In 2 vols. Vol. 2]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sofiya, pp. 163–187.

Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. Tom 2 [Collected Works: in 6 vols. Vol. 2]*. Moscow: IMLI RAN; «Nasledie».

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.